Научная статья

УДК 398.2(=352.3) :177

ББК 82.3 (2=Каб)

К 88

DOI: 10.53598/2410-3489-2021-3-282-193-200

**К проблеме жанрового состава народной
прозы о Жабаги Казанoko**

(Рецензирована)

Зинаида Жантемировна Кудоева

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, zina_777@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0255-4432>*

Аннотация.

Представленная статья может рассматриваться в качестве одного из этапов разработки и воссоздания системы жанров адыгской народной сказочной прозы, результаты которого могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях, а также для составления собрания адыгского прозаического фольклора. В статье исследуется цикл нарративов, связанных с именем народного мудреца и общественно-политического деятеля Кабарды Жабаги Казанoko (предположительно 1686-1750 гг.), который представлен разнообразными по своему жанровому воплощению, тематике и проблематике произведениями фольклора. В результате проведенного исследования в казанокском цикле впервые выявлены морально-этические и этико-правовые предания, представляющие собой особые жанровые разновидности адыгской народной исторической прозы.

Ключевые слова:

жанр, этика, философия, народное право, Казанoko Жабаги, морально-этические, этико-правовые предания.

Для цитирования: Кудоева З.Ж. К проблеме жанрового состава народной прозы о Жабаги Казанoko // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2021. Вып. 3 (282). С.193-200. DOI: 10.53598/2410-3489-2021-3-282-193-200

Original Research Paper

**On the problem of the genre composition of folk prose
about Zhabagi Kazanoko**

Zinaida Zh. Kudaeva

*Kh.M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia,
zina_777@bk.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0255-4432>*

Abstract.

This work addresses one of the complex and topical theoretical problems of modern national folklore studies – the study of one of the specific layers of the Adyghe folk prose and the determination of the differentiating genre features of a

number of works included in it. The article examines a cycle of narratives associated with the name of the people's sage and public and political figure of Kabarda Zhabagi Kazanoko (presumably 1686-1750), which is represented by works of folklore that are diverse in their genre, themes and problems. The purpose of the article is to identify and study new genre forms of folk non-fairytale prose that have arisen within the framework of this cycle. The study is based on theoretical and methodological guidelines developed in the works of Russian folklorists, defining the principles of identifying a genre, motive, the relationship of various genres of folklore to reality. The use of cultural-historical and comparative-historical methods of researching the works of the Adyghe oral folk prose made it possible to identify new trends in the field of genre education, caused by socio-historical conditions, occurring in the Adyghe oral folk art. As a result of the study, for the first time, moral-ethical and ethical-legal legends were revealed in the Kazanokov cycle, which are special genre varieties of the Adyghe folk historical prose.

The presented article can be considered as one of the stages of development and reconstruction of the system of genres of Adyghe folk non-fairytale prose, the results of which can be used in further theoretical research, as well as for compiling a collection of Adyghe prose folklore.

Keywords:

Genre, ethics, philosophy, popular law, Kazanoko Zhabagi, moral and ethical, ethical and legal traditions.

For citation: Kudaeva Z.Zh. On the problem of the genre composition of folk prose about Zhabagi Kazanoko//Bulletin of the Adyghe State University. Series Philology and Art Criticism. 2021. No. 3. P. 193-200. DOI: 10.53598/2410-3489-2021-3-282-193-200

Введение.

Выявление специфических жанров и жанровых разновидностей народной прозы в рамках отдельной этнической традиции – одна из актуальных проблем современной отечественной фольклористики. Несмотря на ряд существующих теоретических исследований К.В. Чистова [1], Б.Н. Путилова [2], Н.А. Криничной [3], В.К. Соколовой [4], а также появившихся в последнее годы работ С.Ю. Неклюдова [5], А.П. Липатовой [6], П.Е. Прокопьевой [7], статей А.А. Немировского [8] и др. – проблема определения и разграничения жанров народной прозы все еще остается одной из актуальных вопросов современной науки о фольклоре. В адыгской фольклористике к проблеме определения и разграничения жанров адыгской народной прозы в различных ее аспектах обращались А.И. Алиева [9], Ш.Х. Хут [10], А.А. Ципинов [11], а также автор данной работы [12]. Вместе с тем, жанровый состав адыгской несказочной прозы все еще остается одним из наименее

исследованных и дискуссионных вопросов адыгской науки о фольклоре. Так, например, до последнего времени остается практически малоизученными образцы народной прозы, не укладывающиеся в традиционные для отечественной фольклористики жанровые критерии, в частности, этические или морально-этические предания.

В соответствии с вышеизложенным, изучение цикла нарративов, связанных с именем Жабаци Казанок, исследование всех входящих в нее жанров и жанровых разновидностей, определения их жанровой специфики, в конечном итоге, должно способствовать созданию полной жанровой системы адыгской народной несказочной прозы. В соответствии с этим, в данном исследовании ставится задача рассмотрения жанрового состава цикла о Жабаци Казанок, выявления возникших в нем новых жанровых форм, определение их основных функций. Это определяет актуальность и научную новизну предпринятого исследования.

Цель статьи – выявление и изучение новых жанровых форм народной сказочной прозы, возникших в рамках данного цикла.

Материалы и методы.

Исследование опирается на теоретические и методологические установки, определяющие принципы выделения жанра, мотива, отношения фольклора к действительности, выработанные в трудах отечественных фольклористов, использующих в своих работах культурно-исторический и сравнительно-исторический методы исследования. Определяющим для понимания принципов отражения в жанрах народной прозы различных аспектов социальной, общественно-политической жизни общества является установка, согласно которой «определенной ступени развития человеческого сознания соответствует свой способ эстетического и рационалистического освоения мира, свой критерий вымышленного и достоверного, фантастического и исторического» [3: 9].

Обсуждение.

Жанровый состав цикла прозы о Жабаги Казаноко.

Цикл фольклорных произведений, связанный с личностью адыгского мудреца, общественно-политического деятеля и народного философа Жабаги Казаноко, согласно мнению З.М. Налоева, включает в себя целый ряд разнообразных жанров: исторических и топонимических преданий, волшебных и бытовых сказок, афоризмов и др. «... Казанокский цикл сказаний, – отмечает З.М. Налоев, – состоит из ряда жанров прозаических, порой далеких друг от друга по принципам отображения действительности – это и фактологическая информация о местах, где жил герой (с минимальной художественной организацией материала), и притча с выраженной назидательной функцией, и легенда с минимальным или даже нулевым фактическим содержанием, и афоризмы, изреченные героем или

приписываемые ему, и историческое предание, восходящее к биографическим фактам, и сказка бытовая, авантюрная, волшебная...» [13: 15].

Необходимо отметить одну из характерных особенностей прозы цикла о Жабаги Казаноко, в значительной мере касающуюся жанра исторических преданий. В частности, исторические предания о народном мудреце зачастую используют ранее существующие сюжеты, в частности, описывающие обстоятельства, связанные с Канжальской битвой и разгромом войск крымских татар, десятилетиями обкладывавших данью Кабарду. Героями этих исторических преданий, как правило, выступали владетельные князья Кабарды – Кургоко Атажукин и др. В указанном цикле главным героем, идейным вдохновителем восстания и инициатором тактического приема, обеспечившего победу над захватчиками (направление на стан крымцев стада ослов, с привязанными к их спинам подожженными связками соломы), выступает Жабаги Казаноко. Существование подобных сюжетов следует, очевидно, рассматривать не как свидетельство «распада и порчи текста» (Б.Н. Путилов) или отклонения от «первоначального (нормативного, исходного) варианта, а как проявление вариативности, обусловленной «экстрафольклорными фактами» – историей, социальной средой и другими социальными переменными.

Вместе с тем, адыгские исследователи отмечают формирование в рамках данного пласта нарративов новых жанров и жанровых разновидностей («поджанров»), ранее не присутствовавших в адыгском устном народном творчестве. «Рассматривая сюжеты о Жабаги Казаноко, – отмечает известный исследователь адыгского фольклора А.М. Готов, – мы вправе сказать, что с ним адыгский фольклор обогатился новым поджанром, который можно назвать историко-бытовой новеллой» [14: 111]. Возникновение в адыгском

фольклоре нового поджанра историко-бытовой новеллы поддерживает и З.М. Налоев. «...Казанокровский цикл сказаний, – отмечает он, – состоит из ряда жанров прозаических, порой далеких друг от друга по принципам отображения действительности – это и фактологическая информация о местах, где жил герой (с минимальной художественной организацией материала), и притча с выраженной назидательной функцией, и легенда с минимальным или даже нулевым фактическим содержанием, и афоризмы, изреченные героем или приписываемые ему, и историческое предание, восходящее к биографическим фактам, и сказка бытовая, авантюрная, волшебная...» [13: 15]. Констатируя возникновение в казанокском цикле нового типа героя, соединяющего в себе два типа традиционно сформировавшихся образов: «героя мудрости», восходящего к эпическим персонажам (Малечипх), предсказателя и мудреца Лиуану и «героя воинской доблести» – З.М. Налоев отмечает, что в фольклоре адыгов возник новый тип героя – «оригинальный и глубоко жизненный образ рыцаря-мыслителя» [13: 14]. Формирование нового типа героя, по мнению З.М. Налоева, сопровождается (и здесь он соглашается с А.М. Гутовым) возникновением нового поджанра историко-бытовой новеллы.

Б.Х. Бгажноков в статье «Этика Ж. Казаного и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетии», в которой исследуются философские, морально-этические аспекты образа Жабаги Казаного, также выдвигает предположение, что в составе казанокского цикла в адыгском фольклоре возник «особый жанр устного народного творчества – жанр философских новелл и притч. Характерные его черты, – пишет автор, – помимо внутренней и внешней диалогичности, лаконичность, насыщенность формулами, афоризмами, нравственными максимами, парадоксами, построение сюжетной

линии вокруг концептов, составляющих ядро этической системы» [15: 44].

Дальнейшее углубленное исследование и уточнение жанровых критериев каждой из выделенных в составе казанокского цикла новых жанровых разновидностей народной прозы («историко-бытовой новеллы», «философской новеллы и притчи») представляет задачу дальнейших исследований. Следует также отметить, что упомянутый выше жанр философских новелл и притч и «поджанр» историко-бытовых новелл, на наш взгляд, не исчерпывают собой жанровые инновации, возникшие в цикле народной прозы о Ж. Казаного.

Цикл нарративов, связанных с именем Жабаги Казаного, включает в себя также топонимические предания, в которых повествуется о местах расселения и перемещения принадлежавших ему селений («Казанукойский обрыв» – «Къэзанькъуей бгыху жыхуалэр») [16: 83], «Жабагъы щыпсэуа щыплэр» – «Местность, где жил Жабаги» [16: 211]; «Жабагъы и къуажэр егъэлэпхъуэ» – «Жабаги переселяет свой аул» [16: 144] и др.

В состав казанокского цикла входят тексты, в которых исторические реалии соединяются с элементами, свойственными сказочному повествованию. В данной группе нарративов, обладающих жанровыми признаками исторического предания, находит отображение общественно-политическая, в частности дипломатическая деятельность Жабаги Казаного: его участие в дипломатических переговорах с крымскими ханами, в дипломатических посольствах в Москву, переговорах с Петром I в Сулаке и т.д. Так, например, в различных вариантах предания «Джэбэггъы урыс пащтыхьым ирита жэуапхэр» – «Ответы Жабаги русскому царю» [16: 162-168]; Жабаги Казаного подвергается испытанию на мудрость, в предании «Жэбаггъырэ пащтыхьынкъумрэ»

– «Жабаги и полуцарь» [16: 75-82] выполняет «трудное задание». Определяющим элементом композиционной структуры предания «Ответы Жабаги русскому царю» является диалог между царем и Жабаги, в ходе которого он демонстрирует умение изъясняться с помощью иносказаний и аллегорий и заслуживает его уважение.

Образ Жабаги Казаного осмысливается также в рамках мифопоэтического мировосприятия. Так, в одном из преданий о чудесном происхождении героя Жабаги Казаного рождается обвитым невидимой для окружающих змеей [16: 53-56]. Следует отметить, что в адыгских мифопоэтических воззрениях присутствуют представления о змее, как о божественном начале, связанном с огнем (небесным и подземным). Змея представлялась священным существом, сакральная сущность которой связана с формированием культа «огненных» божеств: Шибле – божества грома и молнии и Тлепша – эпического божественного кузнеца. В целом, символизм змеи, согласно адыгским мифопоэтическим представлениям, носит амбивалентный характер, в целом соответствующий аналогичным воззрениям в различных древнейших мифопоэтических традициях и сочетает в себе как негативные, так и позитивные коннотации. Со змеей связывается идея зла, разрушительного, опасного начала, которое нужно «умилостивить», победить/уничтожить, «договориться». В упомянутом предании о Жабаги Казаного используется традиционный художественный прием – мотив «чудесного рождения», характерный для нартского и более позднего феодального эпоса («Андемиркан»). В данном случае мифологический символизм рождения будущего героя обвитым невидимой змеей состоит в указании на божественную, сакральную сущность героя.

Цикл о Жабаги Казаного представлен, как представляется, также

до настоящего времени не упоминавшимися жанровыми разновидностями адыгской исторической прозы, которые могут быть обозначены как морально-этические и этико-правовые предания.

Результаты.

Морально-этические и этико-правовые предания.

Многогранный образ народного мыслителя возник в контексте новой исторической эпохи, потребовавшей общественно-политических преобразований и развития прогрессивных, гуманистических по своей направленности идей в области общественной, социальной, политической и духовной жизни. Инновационный характер репрезентирующихся в казаноковском цикле мировоззренческих установок и норм способствовал возникновению и формированию в рамках адыгской устной народной прозы целого ряда новых, как уже обозначенных выше, так и ранее не отмечавшихся адыгскими исследователями жанровых разновидностей фольклора. Такой новой жанровой разновидностью, возникшей в рамках народной прозы казаноковского цикла, являются морально-этические и этико-правовые предания. Доминирующим принципом в данных преданиях является социорегулятивная функция, заключающаяся в утверждении нравственно-этических правил и постулатов, которыми надлежит руководствоваться. В них выдвигаются принципы ценности человеческой личности (*Цыху цыхкху луху цыхкху цыхкхым* – «Нет маленького человека и нет малых дел»), приоритета творческой, созидательной деятельности, идея прогресса и саморазвития личности (*луху блэжьыныриц лыггэр* – «Мужество [это] – делать дело»; *луху цыхкху цыхкхым, лы цыхкху флэкла* – «Нет маленького дела, есть маленькие мужчины» и др.) (*Хабэмрэ пэжымрэ* – «Что закон, что правда»; принцип уважения к женщине, к жене (*Жэбаггы и фызым пцхэ*

щ1ыхуищ1ыыр – «Почему Жабаги ценит жену»; «*Фызым дэ1эпыкгун зэрыхуейр*» – «Как важно помогать жене») и др. [16: 106-118]; великодушия, благородства даже по отношению к своему врагу («*Жабаггы и бийм до1эпыкгу*» – «*Жабаги помогает своему врагу*») [16: 101] и т.д.

Этико-правовые предания включают в себя нарративы, в которых Жабаги Казанок выступает как инициатор преобразований в области народного права. В частности, с его личностью связывается замена существовавшего правового обычая, предусматривавшего смертную казнь для жен, уличенных в неверности, разводом («*Зил1 зыггэпц1ахэр ираггэк1ыж*» – «Развод с неверными женами» [16: 123-130]; «*Фыз иггэк1ыжыр кызырежыар*» – «Откуда пошел обычай развода» и др. [16: 119-120]; введение правовой нормы, в соответствии с которой князь, проявляющий жестокость и бесчеловечность по отношению к своим подданным, временно лишается княжеского достоинства («*Жабаггы пцытеху ещ1*» – «Жабаги лишает князя власти») [16: 173-174].

К этой же группе преданий могут быть отнесены нарративы, в которых Жабаги Казанок вводит новые нормы или демонстрирует пример следования уже принятым правилам и установкам адыгского этикета – *адыгэ хабзэ* (каб.-черк.). Например, с образом Жабаги связывается введение правила принятия приветственной чаши (рога)

во время пиршественного застолья («*Гупмахуэбжэар зылгысыр хэт?*» – «Кому предназначен гупмахобжа?»); правила поведения горевестника («*Щыхэкуэхэм я хабзэ*» – «Обычай горевестников») и др. [16: 87]. В преданиях о Жабаги Казанок также репрезентируются правила поведения при принятии гостя («*Жабаггы хьэщ1ап1эм куэдрэ щ1у-сар*» – «Почему Жабаги загостился») [16: 100], необходимость следования существовавшим в адыгском обществе нравственно-этические нормы («*Жэбаггы кыщ1аггэнам кыщ1аггуэтыж*» – «Жабаги находят там, где оставили») [16: 92].

Заключение.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с XVIII века в общественной и духовной жизни адыгов возникают и формируются новые идеи, направленные на изменения социального, общественно-политического уклада, затрагивающие, в том числе, нравственно-этическую и правовую сферы. Новые мировоззренческие, нравственно-этические установки, появление гуманистических и демократических по своей сути идей потребовали новых форм самовыражения, что способствовало возникновению новых жанров и жанровых разновидностей в адыгской устной народной прозе: историко-бытовой новеллы (А.М. Гутов), философских новелл и притч (Б.Х. Бгажноков), а также морально-этических и этико-правовых преданий.

Примечания:

1. Чистов К.В. О сюжетном составе русских народных преданий и легенд: методологические вопросы // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. Москва, 1968. С. 318-335.
2. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2003. 464 с.
3. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Ленинград: Наука, 1987. 227 с.
4. Соколова В.К. Русские исторические предания. Москва: Наука, 1970. 288 с.
5. Неклюдов С.Ю. Легенда о Разине: персидская княжна и другие сюжеты. Москва: Индрик, 2016. 552 с.
6. Липатова А.П. Вариативность легенды. Москва: РГГУ, 2019. 215 с.

7. Прокопьева П.Е. Устная несказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука, 2018. 308 с.
8. Немировский А.А. К вопросу о повторяемости сюжетных элементов в североюкагирских преданиях об Эдилвэе // Традиционная культура. 2019. Т. 20, № 5. С. 77–86.
9. Алиева А.И. Прозаические жанры в фольклоре адыгов // Прозаические жанры в фольклоре народов СССР. Минск, 1974. С. 179.
10. Хут Ш.Х. Несказочная проза адыгов. Майкоп, 1989. 336 с.
11. Ципинов А.А. Народная историческая проза адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 157 с.
12. Кудяева З.Ж., Паранук К.Н., Голодова А.П. Этические предания адыгов: жанровые критерии и основные мотивы // Научный диалог. 2021. № 1 (7). С. 183–197. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-183-197.
13. Налоев З.М. Жабаци Казанокко – исторический и фольклорный // Сказания о Жабаци Казанокко. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 2001. С. 6–42.
14. Готов А.М. Межжанровая диффузия в цикле Жабаци Казанокко // Жабаци Казанокко (300 лет): материалы регион. науч. конф., 30–31 октября 1985 г. Нальчик, 1987. С. 110–118.
15. Бгажноков Б.Х. Этика Ж. Казанокко и духовная атмосфера Кабарды в XVIII столетия // Жабаци Казанокко (300 лет): материалы регион. науч. конф., 30–31 октября 1985 г. Нальчик, 1987. С. 23–50.
16. Къэзэнокъуэ Жэбагы и хъыбархэр = Сказания о Жабаци Казанокко / сост. и коммент. З.М. Налоева, А.М. Готова. Нальчик: Эль-Фа. 2001. 329 с.

References:

1. Chistov K.V. On the plot composition of Russian folk tales and legends: Methodological issues // History, culture, folklore and ethnography of the Slavic peoples. M. 1968. P. 318–335.
2. Putilov B.N. Folklore and folk culture. SPb.: Petersburg Oriental Studies. 2003. 464 pp.
3. Krinichnaya N.A. Russian folk historical prose. Genesis and structure issues. L.: Nauka. 1987. 227 pp.
4. Sokolova V.K. Russian historical legends. M.: Nauka. 1970. 288 pp.
5. Neklyudov S.Yu. The Legend of Razin: Persian Princess and Other Plots. M.: Indrik, 2016. 552 pp.
6. Lipatova A.P. Variability of the legend. M.: RGGU. 2019. 215 pp.
7. Prokopyeva P.E. Oral non-fairytale tradition of the Yukaghir people. Novosibirsk: Nauka. 2018. 308 pp.
8. Nemirovsky A.A. On repetitive plot elements in the Northern-Yukaghir epic tales about Edilwey // Traditional culture. 2019. Vol. 20. No. 5. P. 77–86.
9. Alieva A.I. Prose genres in the folklore of the Circassians // Prose genres in the folklore of the peoples of the USSR. Minsk. 1974. P. 179.
10. Khut Sh.Kh. Non-fairy-tale prose of the Adyghes / Sh. Kh. Khut. Maikop. 1989. 336 pp.
11. Tsipinov A.A. Historical folk prose of the Adyghes. Nalchik: El-Fa. 2000. 157 pp.
12. Kudaeva Z.Zh., Paranuk K.N., Golodova A.P. Ethical legends of the Adyghes: genre criteria and main motives // Scientific dialogue. 2021. No. 1 (7). P. 183–197. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2021-7-183-197.
13. Naloev Z.M. Zhabagi Kazanoko: historical and folklore // Legends about Zhabagi Kazanoko. Nalchik: EL-FA. 2001. P.6–42.
14. Gutov A.M. Intergenre diffusion in the cycle of Zhabagi Kazanoko // Zhabagi Kazanoko (300 years): proceedings of the regional scientific conference, October 30–31, 1985. Nalchik. 1987. P. 110–118.

15. Bgazhnokov B.Kh. Ethics of Zh. Kazanoko and the spiritual atmosphere of abarda in the 18th century // Zhabagi Kazanoko (300 years): proceedings of the regional scientific conference, October 30-31, 1985. Nalchik. 1987. P. 23-50.

16. Legends about Zhabagi Kazanoko / Comp. and comment. by Z.M. Naloev, A.M. Gutov. Nalchik: El-Fa. 2001. 329 pp. (in Kab.-Cherk. lang.).

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; одобрена после рецензирования 23.08.2021; принята к публикации 20.09.2021.

The paper was submitted 09.07.2021; approved after reviewing 23.08.2021; accepted for publication 20.09.2021.

© З. Ж. Кудоева, 2021